ПЛАМЯ ТАЛАНТА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

отвращение, ужас, протест. Гоголь говорит, что не загляни он, как автор «Мертвых душ», поглубже в душу Чичикова, и все приняли бы героя за интересного человека: «по окончании чтения... можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию».

П. Анненков, хорошо знавший Гоголя, рассказывает, что «преследование темных сторон человеческого существования» было его страстью, страстью человека и художника. А к темным сторонам великий писатель относил не только самое зло и потворство злу, но и равнодушие.

Но гоголевская эстетика «обыкновенного» не ограничивалась только сатирой и критикой. На тех же страницах «Мертвых душ», где защищается эта эстетика, Гоголь говорит о том, как много нужно глубины душевной художнику, чтобы «озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья», говорит о высоком, восторженном смехе, достойном стоять рядом с высоким «лирическим движеньем». «Озарение» — общественный взгляд художника на мир. Об этом светлом взгляде, без которого природа кажется вызывающей болезненное, томительное чувство, Гоголь говорит в «Портрете». Если даже самый низкий предмет изображается не натуралистически, а озарен светом скрытой во всем мысли, «не чувствуешь никакого низкого впечатления». С этим связано и гоголевское понимание смеха. Он не только карает и обличает, но и выражает торжество, превосходство обличителя над темными силами.

Гоголевская эстетика «обыкновенного» была и эстетикой нового понимания прекрасного, открытия прекрасного в повседневной жизни. Вот почему значение эстетического манифеста приобрело предисловие к «Вечерам», где рассказчик Рудый Панько противопоставляет свою позицию, свою манеру «панской», барской литературе, третирующей «мужика». Слова предисловия о «высшем лакействе», о тех, кто привык кричать: «Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!..» — направлены против блюстителей аристократически-дворянской эстетики, врагов народности в литературе.

Таковы критерии, которые Гоголь предъявил к искусству. Но как же добиться художественного их претворения?

Из всего, что Гоголь говорил на эту тему, выделяются три завета.

Писатель обязан определить свое место в жизни. Если он «приобретет полное познанье земли своей и своего народа в корне и в ветвях, воспитается как гражданин своей земли и как гражданин всего человечества, и как кремень станет во всем том, в чем повелено быть крепку скале-человеку, тогда он выступай на поприще».

Он должен быть неутомимым искателем и наблюдателем: лишь тонкое умение подмечать явное и неуловимое поднимает литературное произведение до уровня высокого искусства живописи словом.

Наблюдения должны быть освещены светом мысли, раскрывающей в частных случаях общий смысл, связь разнообразных и раздробленных жизненных явлений.

Когда Гоголь оставался верным этим основам, он одерживал великие победы: никогда не померкнет сила его повестей, «Ревизора», «Мертвых душ». Но стоило ему отойти от этой своей программы, и наступали неудачи, поражения, приступы тоски и отчаяния.

Корни духовной катастрофы, которая началась реакционнейшей книгой — «Выбранными местами из переписки с друзьями», — сложны. Здесь действовало много причин. И отрыв писателя от передового движения эпохи, и то, что он оказался в кругу мракобесов, и его болезнь. Тревожное ощущение долга писателя перед человечеством переросло в отчаяние... Страшными были последние годы жизни Гоголя, годы метаний, одиночества, бесприютности. И сегодня нельзя без боли читать его горестные признания разным лицам:

«Изныл всей душой, и состояние мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать».

«...Перо не подымается... это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста».

«...Силы мои не только ничтожны, но их нет...».

Когда-нибудь, быть может, появится писатель, который с шекспировской яркостью перескажет трагедию Гоголя, перескажет, как великий жизнелюб, живописец радости бытия поддался черствому гнетущему аскетизму и шел навстречу гибели.

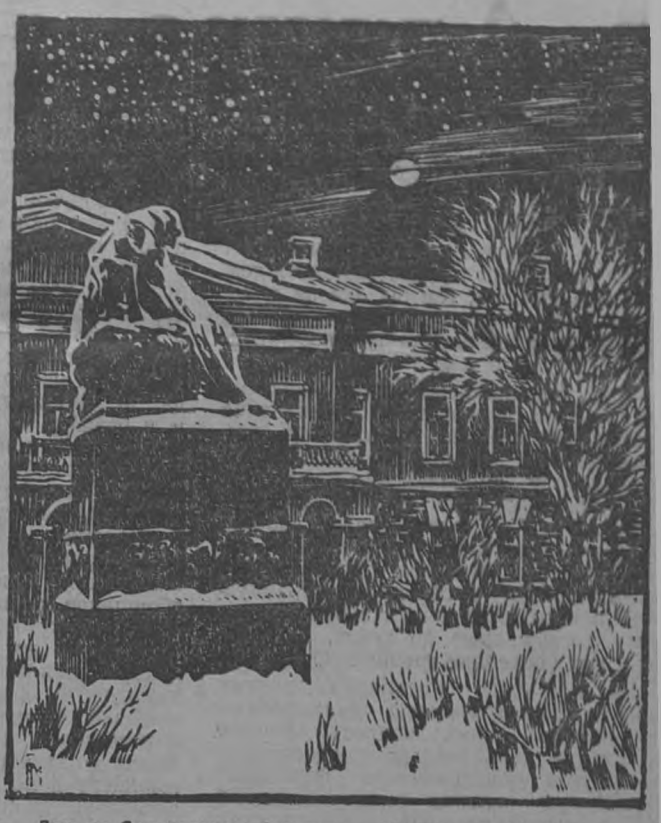
Среди причин этой катастрофы огромную роль сыграло сознание Гоголя, что он теряет почву, на которой расцвело его творчество. Резонанс, вызванный «Выбранными местами», говорил о разрыве Гоголя с передовой Россией, о плохом знании им родины. Даже гениальная одаренность не могла восполнить недостатка изучения жизни: он сам признавался, что ему не хватает живых наблюдений! Происходили изменения и в самом ходе творческого процесса: писатель, ненавидевший безжизненные, отвлеченные, умозрительные схемы (вспомним его признание: «только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности...»), стал подчинять свое творчество именно таким схемам. Правда, и в главах второго тома «Мертвых душ», отмеченных идеализацией и даже фальшью, есть чудесные страницы, где узнается прежний Гоголь: и здесь отразилась его трагическая борьба с самим собою.

Как ни сложны причины кризиса и смерти Гоголя, мы знаем главного виновника. Старый мир по-разному мстил тем, кто восставал против него: реакция никогда не была разборчива в средствах борьбы. Но для художника самая страшная месть — это вторжение в его сознание темных сковывающих сил, чуждых пафосу его дарования. Это случилось с Гоголем. С каким дьявольским садизмом духовные изуверы способствовали отходу и отречению Гоголя от самых дорогих ему идей, как радовались они этому отречению!

...Говоря в «Мертвых душах» о ненависти лицемерно - бесчувственного «современного суда» к писателю-обличителю, Гоголь писал, что этот суд «назовет ничтожными и низкими им лелеянные созданья», «отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта». Предполагал ли Гоголь, что это общество попытается поступить так с ним самим?!

Но Гоголь предвидел и другое. В 1836 году он писал: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня».

Великим заветом великого Гоголя остался завет о творчестве во имя жизни, борьба за неугасимое пламя высокого искусства, без которого обмелела бы жизнь.



Дом на Суворовском бульваре в Москве, где Н. В. Гоголь провел последние годы своей жизни.

Гравюра художника А. Мищенко.